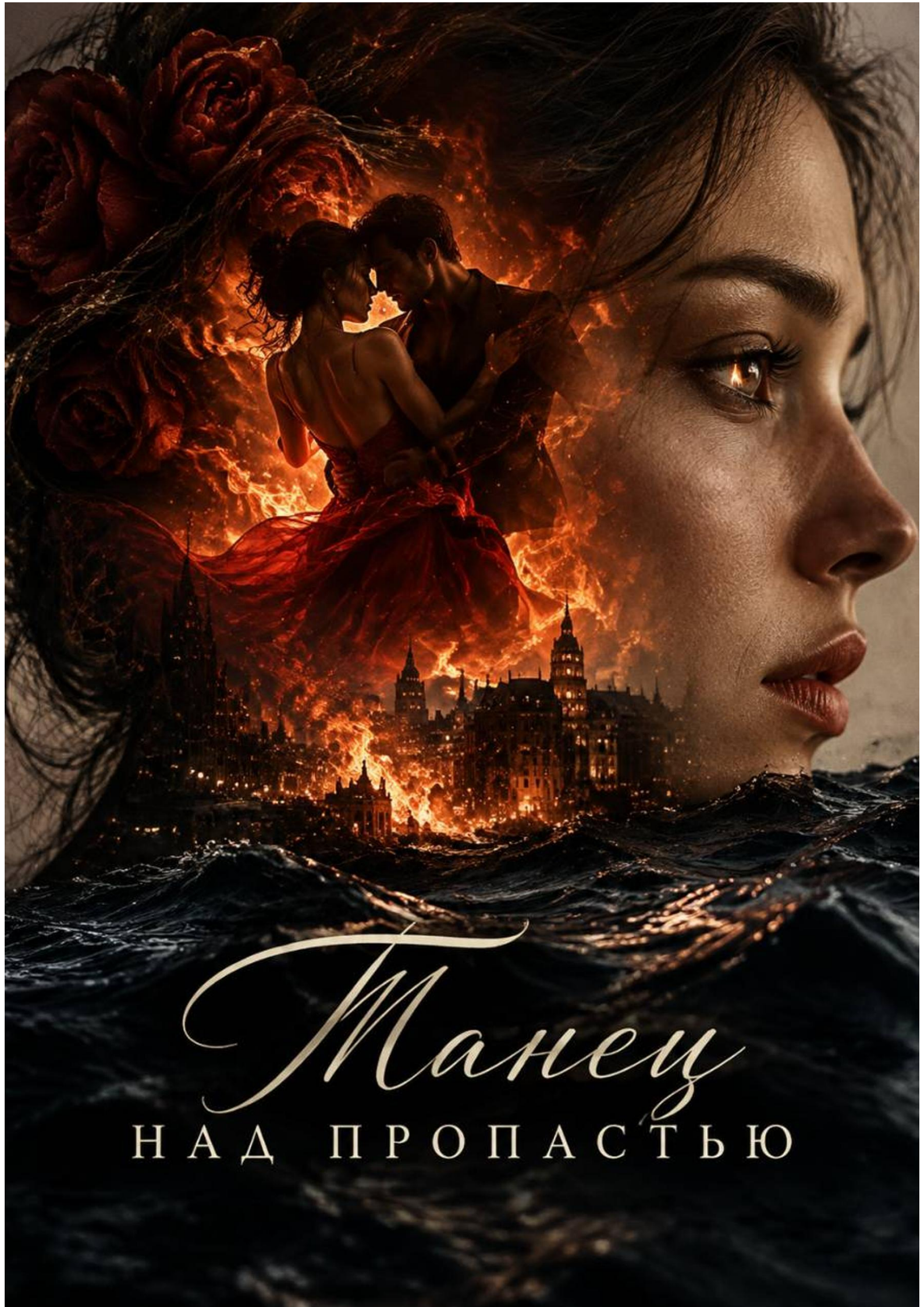

Манеу
НАД ПРОПАСТЬЮ

Марианна Рэй

Танец над пропастью

«Автор»

2026

Рэй М.

Танец над пропастью / М. Рэй — «Автор», 2026

Она имела всё: дом, любящего мужа, дочь. Но одна встреча разбила это тихое счастье. Анна была примерной женой и матерью. Но в её душе тлел уголёк, который она годами засыпала пеплом. Он вырывался только в жгучем испанском танце. Когда в город приезжает Сантьяго, красивый, порочный испанец, прекрасный танцор, её жизнь превращается в ад. Он не обещает любви. Он просто берёт то, что хочет. И тело Анны, предав разум, отвечает ему. Теперь она мечется между семьёй и бездной страсти. Разум кричит «беги», но тело требует продолжения. Анна сгорает в этом огне.

© Рэй М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава1	6
Глава2	9
Глава3	13
Глава4	17
Глава5	19
Глава6	21
Глава7	23
Глава8	25
Глава9	27
Глава10	29
Глава11	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Марианна Рэй

Танец над пропастью

Пролог

Город раскинулся на семи холмах, и в этом было что-то от старой Москвы, только уменьшенной, приглушённой, будто смотришь на неё через подёрнутое дождём стекло. Триста километров до столицы, это расстояние небольшое, но достаточное, чтобы чувствовать себя провинцией. Сюда долетали отголоски столичной жизни: мода, слухи, амбиции, но, долетая, гасли, оседали пылью на тротуарах и витринах.

Город жил своей особенной, чуть ускоренной по сравнению с глубиной жизнью: троллейбусы, маршрутки, пробки на центральных улицах в час пик, торговые центры с яркими вывесками и кафе с претензией на европейский лоск. Но под этим верхним слоем угадывалась всё та же провинциальная неторопливость: соседи знали друг друга в лицо, продавщицы в магазинах помнили, кто что обычно берёт, а вечером город затихал, будто выдыхал, и на улицах оставались лишь редкие пары да фары проезжающих машин.

Медицинский университет занимал целый квартал в центре: старый корпус с колоннами из серого камня, построенный ещё в позапрошлом веке, соседствовал с новым зданием из стекла и бетона, где размещались лаборатории и администрация. Между ними раскинулся сквер с липами, фонтаном и вечным скоплением студентов, уткнувшихся в телефоны, спорящих, целующихся. Осенью листья засыпали дорожки золотом, и в воздухе стоял тот особый, чуть горьковатый запах, который бывает только в медицинском университетском городке: смесь формалина, сухих трав, старой бумаги и молодых надежд.

Здесь, в этих стенах, пересекались судьбы.

Глава 1

Андрей Петрович Вересков поднялся в свой кабинет на втором этаже старого корпуса в семь утра, как делал это уже десять лет. Он любил приходить рано, до того, как здание наполнилось гулом голосов и топотом ног. В звенящей тишине родного университета его мысли работали чётко и ясно. Он легко составлял план научной статьи или готовил её перевод для зарубежного солидного журнала. Профессор биологии с мировой известностью, был скромнен в быту и на работе никак не выделялся из многих таких же профессоров университета. В свои пятьдесят четыре года он никак не мог смириться с необходимостью работы на кафедре, а не в очередной экспедиции.

Вересков отличался высоким ростом и слегка сутулой осанкой, свойственной тем, кто много лет проводил в архивах и полевых экспедициях. Его лицо выделял крупный нос с выразительной горбинкой и лучистые серые глаза, в которых угадывался живой ум и любопытство. Седая взлохмаченная шевелюра всегда казалась особенно неукротимой, словно на ней до сих пор отпечатывались следы жаркого ветра далёких стран. Загорелая кожа и лёгкие морщины вокруг глаз выдавали опытного путешественника, а не кабинетного учёного.

Он носил старомодные очки в тонкой металлической оправе, которые вечно сползали на кончик носа. Одевался в старый твидовый пиджак с кожаными заплатками на локтях по привычке, оставшейся с тех времён, когда каждый предмет одежды служил годами и был дорог. Под пиджаком обычно носил простую рубашку, чаще всего белую или голубую, без галстука. На левом запястье отцовские старые механические часы с потёртым ремешком. Они не раз выручали там, где современные отказывали. Вот только ботинки выдавали его стремление к некоторому щегольству. Дорогие, добротные, сшитые на заказ у известного мастера в Вене. За обувь он следил тщательно. Хорошая обувь это комфорт. А комфорт нужен для хорошего самочувствия и полноценной работы.

Профессор был крайне противоречив: его массивное тело, созданное природой для тяжёлой работы, сочеталось с робостью и крайней застенчивостью; глубокая эрудиция и почти энциклопедические знания в своей области - с рассеянностью, из-за которой он мог забыть, какое сегодня число или день недели; мировая известность - с абсолютной неспособностью вести светские беседы.

Кабинет его не был обычным рабочим местом. Это была часть его жизни. В книжных шкафах, стоящих вдоль стен, стояли рядами его монографии, переведённые на различные языки и толстенные фолианты признанных знаменитостей. Они соседствовали с банками, заполненными формалином, где покоились неведомые существа. В деревянных ящичках со стеклом - коллекции засушенных редких насекомых. На письменном столе громоздились рукописи, учебники, лупы, карандаши и ручки. На тумбочке рядом со столом сверкал металлом новейший электронный микроскоп. А рядом, на подоконнике, из-за занавески выглядывал череп какого-то примата с нахлобученной на него летней панамой.

В кабинете витал устоявшийся годами запах старинного дерева с лёгкой горчинкой лака и воска. А где-то в углу таился едва заметный запах сырой штукатурки и старого здания. Всё это напоминало о временах, когда кабинет впервые наполнился тёплым светом и шорохом бумажных страниц.

Он был человеком, который прожил большую часть жизни наедине со своей наукой. Его уважали и очень ценили в университете. Его лекции никогда не пропускали студенты, настолько они были яркими и насыщенными удивительными примерами из его экспедиций. Коллеги не конфликтовали с ним и отмечали его доброту и порядочность, доходившую до щепетильности. Но уже очень давно в его душе царил тишина. Та самая, которую он сам выбрал ещё в далёкой юности и к которой привык так, что уже не замечал её.

Вересков был одинок. Одиночество выросло, как мох на камнях его путешествий, стало неотъемлемым. Сначала время не хватало даже на самого себя. Студентом, он ночами просиживал над конспектами, потом лекции, зачёты, экзамены. Он был самым прилежным учеником института. Потом его стали приглашать в экспедиции. Он с юношеским пылом окунулся в этот увлекательный мир, проводя ночи под открытым небом или ютясь в старой хижине местных племён. Только в последние годы, нажив приличный капитал, профессор смог построить дом и обзавестись небольшим штатом прислуги. Теперь появилось время и для себя.

Тогда и ощутил Вересков особую пустоту в душе, особенно по утрам, когда солнце золотило облезлые стены его кабинета. Ему хотелось чего-то простого, человеческого. Тёплого.

От этих мыслей уважаемый профессор замирал, как мальчишка, и стеснялся дальше их развивать. Он с усердием брался за работу. Её всегда хватало с избытком.

В это же утро, на третьем этаже нового просторного корпуса, Анна Викторовна Ветрова со вздохом разбирала конспекты первокурсников. Она ненавидела утро - поспать бы ещё часок. А приходилось подниматься рано, чтобы не попасть в утренние пробки.

Ей было двадцать восемь. Стройная, подтянутая, с гордо посаженной головой, она выглядела, как молодая изящная статуя, внезапно ожившая и осознавшая свою силу. В каждом движении ощущалась сдержанная энергия, взгляд был прямым и открытым. В осанке читалась внутренняя уверенность и привычка держать себя в руках. Однако, при более пристальном взгляде, чувствовалась какая-то усталость, словно она уже прожила несколько жизней и теперь равнодушно досматривала последнюю.

Она была младшим преподавателем, вела семинары у первокурсников и писала диссертацию, в которую сама не верила. Наука не интересовала её. Она пыталась поддерживать интерес к ней ровно настолько, чтобы не утонуть в рутине. Её настоящая, всепоглощающая страсть жила в другом месте. Вечерами после работы, едва перекусив, Анна бежала в танцевальный зал. Там она превращаясь в страстную, темпераментную, жгучую танцовщицу. Она всем сердцем любила латиноамериканские танцы. Они воплощали огонь, заключённый в каждом движении, вспышку эмоций. Возможность говорить телом то, чего не скажешь словами.

Никто из её знакомых даже не подозревал, что Анна не просто танцует, а живет в этом ритме. Многие считали её увлечение таким же спортом, как, например, фитнес. Для окружающих Анна была обычным «синим чулком», безупречным сотрудником кафедры и холодной, строгой, отрешённой от человеческих эмоций женщиной.

Она и сама почти поверила в это.

Почти.

Где-то глубоко внутри, под слоем золы и пепла прежних, неудавшихся отношений и горой несбыточных надежд, ещё тлел уголёк. Он не давал ей покоя, обжигая её тело, дразня и маня надеждой на яркую, дерзкую, наполненную страстью жизнь. Но чем больше этот уголёк посылал бессонных ночей, тем более жестоко она гасила его. Надеяться было не на что. В её годы она стояла далеко в конце очереди невест.

Анна боялась огня. Боялась боли, которое приносит очередное разочарование. Ей хотелось покоя, уюта, стабильности и уверенности в завтрашнем дне.

Но огонь никак не хотел с этим считаться.

Утро в университете было самым обыденным. Студенты спешили на лекции, сонные и взъерошенные, с сумками наперевес. Преподаватели курили на тесном пятачке для курения, обсуждали новости и ругали ректора. Где-то в столовой гремели посудой, и запах свежих булочек с изюмом расплзался по коридорам, смешиваясь с запахом сырости и старой краски.

Вересков вышел из кабинета и спускался в лабораторию. Он шёл, как всегда, погружённый в свои мысли, не замечая никого и ничего вокруг. Воротник его старого пиджака был поднят, волосы взлохмачены. В руках профессор нёс старенький потрёпанный портфель.

Анна в тот момент бежала к подруге на кафедру фармакологии. Срочно требовались новые материалы к лекциям, утверждённые Министерством. Она увидела профессора изда- лека, он шёл сутулясь, небрежной походкой и рассеянно скользил взглядом по лицам. Не заме- тив Анну, прошёл мимо. Она проводила его взглядом, и что-то внутри неё дрогнуло. Будто она увидела отражение собственного одиночества.

«Вот ведь, такой известный человек, симпатичный мужчина, а тоже один», — мельк- нуло в голове.

Она покачала головой, отгоняя ненужные мысли, и побежала дальше. Ей предстояло срочно подготовить новые материалы к лекциям.

А он даже не подозревал, что стал объектом мимолётного внимания. Быстро скрылся за дверью лаборатории, где его ждали колбы, препараты и тишина.

Они существовали рядом, эти двое одиноких людей в городе на семи холмах. Не знав- шие, даже не предполагавшие, что скоро их пути пересекутся. Эта короткая встреча изменит и перевернёт всю их размеренную, но пустую жизнь.

Глава 2

Октябрь в том году был похож на тёплое озеро, поверх которого стелился сырой пар. Дожди приходили холодными ночами тайно, с тихим шорохом, пока город спал. А днём над улицами тяжело свисало серое небо, словно промокшее одеяло, пропитанное влагой. Воздух казался густым и вязким, обволакивая всё вокруг терпким ароматом раздавленной листвы и едким дыханием машин. Город на семи холмах кутался в туман, как в старый плед, и жил своей суевой жизнью.

В университете пахло сыростью и плесенью. Старые радиаторы едва тёплые, совсем не грели. На подоконниках держались лужицы влаги, сочившейся из разбитых рам. Студенты ходили хмурые, сонные, одевшись в свитера и теплые куртки. Преподаватели пили чай чаще, чем обычно, и говорили вяло и вполголоса, будто с ярким солнцем пропала и яркость звука.

Анна Викторовна в то утро чувствовала себя разбитой. Вечером допоздна она отрабатывала сложные элементы танца, который ей не удавался совсем. Только повторив бесконечное число раз и под другую музыку, она осталась довольна. Но домой пришлось добираться пешком, транспорт уже не ходил. А ночью совсем не спалось: лежала, глядела в потолок, и слушала шум дождя. Мысли были вязкие, тягучие, беспокойные. В полудрёме раздался пронзительный звонок будильника. Анна долго стояла под горячей водой, потом долго выбирала одежду, хотя и выбирать было нечего. В итоге надела тёмно-серую юбку, белую блузку и старый кардиган, довольно поношенный. Собрала волосы в небрежный пучок, посмотрела в зеркало и поморщилась. «Синий чулок», — сказала она своему отражению и вышла из квартиры.

Квартира её была съёмной, маленькой, не очень уютной. Однокомнатная, на четвёртом этаже панельного дома, с видом на пустырь и ржавые гаражи. Она не любила эту квартиру, но и не стремилась менять. Зачем? Купить квартиру на зарплату она не сможет, а съёмные квартиры все одинаковые.

В аудиториях кафедры было пусто. Она пришла самой первой, включила свет и села за свой стол. Впереди был обычный день: две пары лекций, семинар, проверка лабораторных работ, возможно, собрание. Она открыла журнал, но не могла сосредоточиться. Буквы расплывались перед глазами.

— Анна Викторовна, — в дверь просунулась голова декана с кафедры биологии, седого, вечно чем-то озабоченного мужчины. — Вы сегодня не заняты с двенадцати до часу?

— Нет, — ответила она, не поднимая глаз. — А что?

— Тут такое дело... У нас старший лаборант заболела гриппом. Температура сорок. А у Верескова лекция в час. Препараты для демонстрации не готовы. Выручите, пожалуйста, а? Я понимаю, что не ваша работа, но больше никого найти не могу. Все разболелись.

Анна подняла голову. Вересков. Тот самый профессор, о котором она думала иногда, сама не зная почему. Высокий, сутулый, с вечно отсутствующим взглядом. Она видела его в коридорах, но он никогда не замечал её. Впрочем, он никого не замечал.

— Ладно, — кивнув, сказала она. — Приду.

Декан облегчённо вздохнул, кивнул и исчез.

Анна снова посмотрела в окно. Дождь усилился. По стеклу ползли кривые струи, искажая очертания голых деревьев. Ей стало вдруг тоскливо, но она отогнала это чувство. Конечно, идти под дождём в другой корпус не хотелось, но помочь нужно. В конце концов её заменял же кто-то на время болезни.

Лаборатория кафедры биологии находилась в старом корпусе, в конце длинного коридора с высокими сводчатыми потолками. Здесь пахло иначе, чем на её кафедре. Тут больше пахло древним, музейным: формалином, пылью, старым деревом. На подоконниках стояли банки с какими-то заспиртованными необычными существами. Засушенные травы, цветы,

листы висели в самых разных местах. И во всех местах в беспорядке висели плакаты, диаграммы, таблицы.

Анна вошла, огляделась. Никого. Только тишина, нарушаемая мерным тиканьем старых часов где-то в глубине. Она сняла пальто, повесила на крючок и надела белый халат, который оказался ей велик. Рукава пришлось подвернуть.

На столе уже лежали приготовленные кем-то стеклянные пластинки, покровные стёкла, пипетки. Рядом стояли колбы с растворами. Почему-то колба с аммиаком была открыта. Резкий запах щипал ноздри.

Анна принялась за работу. Она старалась быть аккуратной, но всё валилось из рук. Стекла скользили, пипетка выпала из пальцев и закатилась под стол. Она наклонилась, чтобы достать, и едва не опрокинула штатив с пробирками.

— Чёрт, — выдохнула она, чувствуя, как раздражение поднимается внутри. Раздражение на себя, на этот дурацкий день, на всю свою жизнь, в которой она занимается не своим делом.

Именно в этот момент дверь распахнулась.

На пороге стоял Вересков. Он просто вошёл без стука и предупреждения, потому что это была его лаборатория, его мир. Он был в том же старом пиджаке, волосы взлохмачены, очки сползли на кончик носа.

— Здравствуйте, — произнёс он, и голос его был низким, чуть хриплым, но не резким. — Вы...

— Я с кафедры химии, — выпалила Анна, ненавидя себя за то, что голос прозвучал слишком высоко. — Ваш лаборант... Людмила... заболела. Меня попросили помочь.

— Заболела? — переспросил он, нахмурившись. — Ах да, верно. Людмила. Да, сейчас грипп ходит. Ну, пусть выздоравливает. Спасибо Вам за то, что согласились помочь.

Он сделал шаг внутрь, и взгляд его сразу наткнулся на лужицу аммиака, расплывающуюся по столу. Анна проследила за его взглядом и почувствовала, как краска заливает лицо. Она не заметила, когда именно это произошло. Наверное, когда наклонялась за пипеткой.

— О Господи, — тихо сказал он. — Вы обожглись?

— Нет-нет, — она замотала головой. — Просто пролила. Сейчас всё уберу.

Она рванулась к раковине, схватила первую попавшуюся тряпку, но та оказалась сухой и жёсткой. Анна замерла, не зная, что делать. А он стоял и смотрел на неё с каким-то тихим, почти отеческим участием.

— Позвольте, — сказал он.

Вересков снял свой пиджак, небрежно бросил его на спинку стула. Накинув лабораторный халат, подошёл к шкафу, взял с полки чистую белую тряпку и намочил её под краном. Затем приблизился к столу и начал спокойно, методично вытирать лужу. Его движения были точными, неторопливыми. Он не суетился, не злился, не выговаривал ей. Просто убирал.

Анна стояла в ступоре. Ей было стыдно, но не за пролитый реактив. Она переживала, что профессор видит её беспомощной, неуклюжей, нелепой. Она привыкла, что за ошибки ей выговаривают или устраивают разнос. Их декан был суровым, скрупулёзным человеком. А тут ей просто помогли. Без выговоров о неосторожности и невнимательности, без осуждения.

— Ну вот, — Вересков выпрямился и впервые за всё время посмотрел на неё по-настоящему. Не сквозь, а прямо в глаза. — Теперь Вы мне напоминаете... одного моего аспиранта. Он тоже всё время что-нибудь опрокидывал. Всю экспедицию на Галапагосах ходил в пятнах от реактивов. Но в итоге защитился лучше всех.

Он усмехнулся своим воспоминаниям. Усмешка вышла тёплой, мальчишеской, неожиданной для его серьёзного лица.

Анна почувствовала, что краснеет ещё сильнее.

— Я не аспирант, — пробормотала она. — Я младший преподаватель. Ветрова. С кафедры химии.

— Ветрова, — повторил он, словно пробуя фамилию на вкус. — Химия. Хм. А я думал, Вы... впрочем, неважно. Спасибо, еще раз, что пришли на помощь.

Он снова отвернулся к столу, начал перебирать подготовленные ею пластинки. Анна стояла, не зная, что делать: то ли уйти, то ли остаться. Ей хотелось поскорее исчезнуть, но она боялась, что это будет выглядеть невежливо.

— Вы, наверное, торопитесь, — произнёс он, не оборачиваясь. — Я сам закончу. Спасибо Вам.

— Да, конечно, — она попятилась к двери. — Извините ещё раз за...

— Забудьте, — бросил он. — Раствор аммиака, между прочим, прекрасный антисептик. Так что Вы даже помогли, тут давно стоило продезинфицировать.

Он снова усмехнулся, слегка повернув лицо, и Анна вдруг заметила, что у него очень светлые глаза, с лучиками морщинок в уголках. Глаза человека, который много смеялся и много смотрел вдаль.

Она выскользнула за дверь, на ходу снимая испачканный халат. Сердце билось ровно, но в груди остался неприятный осадок. Она не понимала, почему эта встреча выбила её из колеи. Наверное, потому, что она оказалась в нелепом положении, да ещё и пред известным профессором. Или потому, что в его взгляде мелькнуло что-то, похожее на интерес.

В тот вечер Вересков сидел в своём кабинете допоздна. Лекция прошла хорошо, но он полностью забыл о чём говорил. Перед глазами стояла картина: невысокая стройная женщина с короткими волосами, в белом халате, который был ей слишком велик, стоит посреди его лаборатории. Она сжимала в руке колбу, и смотрела на него с таким отчаянием, словно сейчас её расстреляют. А на шее у неё необычный медальон в виде маленькой серебряной туфельки. Когда она наклонилась над столом, кулон выскользнул из-под воротника блузки и качнулся на цепочке. Почему-то эта деталь врезалась в память сильнее всего.

Он откинулся на спинку стула, потер переносицу. В кабинете было тихо, только громко тикали часы на стене. Это памятный подарок от коллег из Трансильвании, старые, с медным маятником. За окном сгущались сумерки. Город засыпал, и в этой сонной тишине его одиночество ощущалось особенно остро.

Он вдруг понял, что не помнит, когда в последний раз разговаривал с женщиной не о работе. Когда держал кого-то за руку. Когда просыпался не один. Забыл, как пахнут волосы женщины, какая помада на вкус.

Он знает несколько языков, но не знает, как сказать женщине, что она красива. Он переплывал реки, поднимался в горы, спал под открытым небом в сорокаградусный мороз. Но панически боится показаться нелепым в глазах этой скромной преподавательницы с кафедры химии.

Ветрова. Какое-то осеннее, холодное имя. Но в ней самой, в её испуганных карих глазах, в её неловкости, в этой серебряной туфельке на шее было что-то трогательное. Что-то, чего ему отчаянно не хватало.

Он поднялся, подошёл к окну. В темнеющем небе зажглись первые звёзды. Он смотрел на них и думал о том, что всю жизнь бежал от простого человеческого счастья. Он был предан науке и самозабвенно совершал подвиги во имя неё. Но теперь, в этом тихом кабинете, среди чучел птиц и заспиртованных существ, он понял, что устал. Устал от одиночества, от пустых вечеров в тишине, будто сам стал частью этой музейной экспозиции.

Он взял со стола телефон, долго держал его в ладони, глядя на тёмный экран. Ему вдруг захотелось позвонить ей. Просто услышать её голос. Но он не знал номера. И не знал, что сказать.

— Глупость, — произнёс он вслух. — Какая глупость.

Он положил телефон обратно, погасил лампу и остался сидеть в темноте, слушая, как дождь стучит по карнизу.

На следующий день Анна снова встретила его в коридоре. Она готова была сделать вид, что не заметила, но он сам остановился. Сначала почти споткнулся неловко, как будто собирался пройти мимо. Потом резко повернулся.

— Ветрова, — сказал он. — Анна... э-э...

— Викторвна, — подсказала она, чувствуя, как внутри всё сжимается от неожиданности.

— Да, простите. Анна Викторвна. Вы не заняты в пятницу вечером?

Вопрос был задан таким тоном, будто он спрашивал о расписании поездов.

— Я... нет, — ответила она, растерявшись.

— Прекрасно. В драматическом дают «Вишнёвый сад». Я, признаться, не большой театрал, но хотел бы посмотреть. Вы составите мне компанию?

Он смотрел на неё прямо и серьёзно, без тени улыбки. В его глазах не было смущения или робости. Только сосредоточенность человека, который принял ответственное решение.

Анна открыла рот, чтобы отказаться. Потому что это было неожиданно и странно. Она никак не могла предположить, что заинтересует профессора.. Но вместо этого улыбнулась и произнесла:

— Да.

Вересков кивнул, коротко и сдержанно, как будто она только что подтвердила его научную гипотезу.

— Вот и славно. Я заеду за Вами в шесть. Скажите адрес.

Анна продиктовала адрес. Профессор тщательно записал в телефон и ушёл, оставив её стоять посреди коридора с ощущением, что земля только что сделала полный оборот вокруг своей оси.

Но это было не волнение перед свиданием. Это было скорее удивление от самой себя. Зачем она согласилась? Ведь он не её типаж мужчины. Он хороший, спокойный, надёжный. Но её сердце не вздрагивает и не трепещет. В животе не кружатся бабочки и тело никак не реагирует на его присутствие. Просто он такой-же одинокий, как она. Щемящая жалость к самой себе разлилась в душе и поднялась к глазам.

«Может, это шанс?» — мелькнула мысль.

Она отогнала её. Но в мозгу копошилось сомнение: если она останется одна, то проживёт эту жизнь впустую. А этот человек может дать ей то, чего у неё нет и, возможно, никогда не будет, - стабильность. Пусть без пылающей страсти и яркой любви.

Глава 3

Пятница наступила быстрее, чем Анна ожидала.

Всю неделю она жила как в тумане. Преподавала, проверяла тетради, отвечала на вопросы студентов, но мысли её были далеко. Она постоянно думала о Верескове, хотя пыталась не думать вовсе. Но где-то на краю сознания, как заноза, сидело это странное чувство: предвкушение, смешанное со смутным раздражением.

«Вишнёвый сад». Она читала пьесу ещё в школе, поэтому помнила лишь общий сюжет и несколько цитат, которыми изредка козыряла. Чехов всегда казался ей скучным: слишком много разговоров, слишком мало действия. Теперь же, глядя на афишу на тёмной витрине театра, она вдруг подумала, что эта история о людях, не сумевших удержать своё счастье, слишком похожа на её собственную жизнь. Ей стало не по себе, и она поспешно отогнала эту мысль.

В пятницу она вернулась домой и долго стояла перед распахнутым шкафом. Одежды было немного, и вся она казалась неподходящей. Слишком строгая. Слишком блёклая. Слишком... учительская. Она перебирала юбки и блузки, как будто от этого зависела её судьба.

В глубине души она понимала: от этого свидания и правда может зависеть её судьба.

Вересков был не просто профессором. Это человек с мировым именем, с положением, с весьма значительными деньгами. Анна знала это. Знала, что у него дом в престижном районе города, у реки, в тихом зелёном посёлке, где селились люди с достатком, ценящие покой. Знала, что у него уникальная оранжерея, прислуга, огромная библиотека. Что он часто ездит в зарубежные поездки на конференции, симпозиумы, конгрессы. Много публикуется в зарубежных журналах. Его знают и уважают во многих странах мира. Но тем удивительнее было, что он совершенно одинок. Часто его личная жизнь была предметом досужих домыслов и сплетен. Но Вересков никого никогда не посвящал в её подробности. Тем загадочнее он выглядел. Хотя и не подозревал об этом.

Анна пыталась мысленно не заходить далеко, но понимала: если она выйдет за него замуж, её жизнь полностью изменится. Она станет вполне спокойной, обеспеченной, защищённой. Она перестанет считать копейки и выбирать, что ей нужно сделать-заплатить за квартиру или купить новое пальто. Пройдёт страх одинокой старости. Она будет женой уважаемого человека. Возможно, матерью его детей. Хозяйкой большого дома.

А взамен... Что она сможет предложить взамен? Только уважение, благодарность за его внимание именно к ней, верность. Анна не сомневалась, что перемена в общественном положении не позволит ей легкомысленно отнестись к роли жены профессора и хозяйки дома. Она будет уверенно и спокойно смотреть в будущее. Будет честной и респектабельной светской дамой, высоко держать свою гордую голову.

Девушка выбрала тёмно-синее платье, которое носила редко. Короткие рукава, мягкая ткань, пояс на талии. Оно сидело хорошо, но не было вечерним, дорогим. А ей очень хотелось соответствовать тем шикарным дамам, которые ходят в театр в роскошных платьях, сверкая бриллиантами. Анна посмотрела на себя в зеркало и вздохнула. Ей было двадцать восемь, но она чувствовала себя на все сорок.

Ровно в шесть у подъезда остановился старенький автомобиль мышиного цвета. Анна увидела его из окна и на мгновение замерла. Сердце забило чаще от осознания, что сейчас начнётся игра, в которой она сама пока не знает правил.

Вересков ждал её на улице, облокотившись на капот. Он был в том же костюме, в котором ходил на все важные мероприятия, и Анна невольно отметила, что костюм этот, хоть и добротный, давно вышел из моды. Галстук был завязан с лёгким перекосом. В руках он держал небольшой букет хризантем, простых, белых, с жёлтой сердцевинкой.

— Добрый вечер, — произнёс он, выпрямляясь. — Это Вам.

Он протянул цветы, и Анна заметила, что руки его слегка дрожат. Это было так неожиданно, так трогательно, что она на секунду забыла о своих расчётах.

— Спасибо, — тихо сказала она, принимая букет. — Они чудесные.

— Это хризантемы, — пояснил Вересков и тут же осекся, осознав нелепость пояснения. — То есть... Вы, конечно, знаете, что это хризантемы. Я просто... я не большой знаток цветов. У меня в оранжерее больше тропические, а эти... эти просто напомнили мне Вас.

Анна подняла на него глаза. Он стоял, чуть нахмурившись, будто злясь на себя за косноязычие, и в этом было что-то почти детское. Она вежливо и сдержанно улыбнулась.

— Поедем? А то опоздаем.

В театре, как всегда, пахло старым бархатом, пылью и чужими духами. Анна сдала пальто в гардероб и поправила платье, чувствуя, как прохладный воздух касается открытых плеч. Вересков, получив номерок, спрятал его в карман пиджака с какой-то трогательной бережливостью, будто это был не клочок бумаги, а важный документ.

Они вошли в зал. Свет ещё не погас, публика рассаживалась неторопливо, шурша программками. Анна села в кресло, поправила юбку, огляделась по сторонам. Вересков устроился рядом, сложив руки на коленях, и ей показалось, что он не знает, куда их деть.

— Я редко бываю в театрах, — признался он, когда погас свет и занавес дрогнул. — В молодости иногда, в столице. Но потом как-то... не до этого было.

Анна кивнула. Она смотрела на сцену, но мысли её блуждали далеко. Думала о том, сколько может стоить его дом в старом посёлке у реки. Он увлечён своей оранжереей, а сколько же туда денег вложено? Рассказывали, что профессор азартно собирал редкие книги по всему миру, что у него есть уникальные фолианты, которые баснословно дорогие. Она не была меркантильной. Просто устала. Устала от бесконечной экономии, от съёмной квартиры, от мыслей о скромном гардеробе.

Спектакль шёл своим чередом. Анна смотрела на сцену, но не могла сосредоточиться. Рядом сидел человек, который, возможно, станет её мужем, и от этой мысли ей было не по себе. Она сама не знала, чего хочет больше: чтобы этот вечер поскорее закончился или чтобы он никогда не кончался.

В зале было прохладно. Откуда-то из-за кулис тянуло сквозняком, и Анна невольно поёжилась, обхватив себя за плечи. Вересков тотчас повернулся к ней.

— Вы замёрзли? — прошептал он, и в голосе его было столько тревоги, что Анна смутилась.

— Немного, — призналась она.

Он, не раздумывая, снял с себя кашне, что висел у него на шее поверх пиджака, и бережно накинул ей на плечи.

— Простите, я должен был предупредить, что в этом театре вечно сквозит.

Анна почувствовала, как шарф, ещё хранящий его тепло, лёг на её плечи. От него пахло старым пиджаком, табаком и чем-то неуловимо знакомым. Ей стало неловко, но она не сняла его. Только тихо поблагодарила.

Остаток действия она просидела, укутавшись в его шарф, и от этого простого жеста на душе у неё стало чуть теплее.

После спектакля они вышли на улицу. Дождь закончился, но воздух был влажным и прохладным. Город лежал перед ними, залитый жёлтым светом фонарей. Листья, мокрые и блестящие, мягко шуршали под ногами. Люди расходились по домам, и улицы быстро пустели.

— Как Вам? — спросил Вересков, когда они остановились у его автомобиля.

— Хорошо, — ответила Анна. — Грустно.

— Да, — согласился он. — У Чехова всё грустно. Но в этом есть какая-то... истина.

Он помолчал, потом, явно желая продолжить разговор, добавил:

— Меня всегда поражало, как точно он показывает людей, которые не могут удержать то, что им дорого. Вишнёвый сад - это ведь не просто усадьба. Это целая жизнь, которая уходит, как вода сквозь пальцы. Раневская и Гаев так и не поняли, что для спасения нужно было действовать, а не мечтать. А Лопухин... он ведь тоже по-своему трагичен: он покупает сад, но не может купить предназначение сада. Счастья ему это не приносит.

Анна слушала, но смысл его слов ускользал от неё, как туман. Она помнила героев, помнила, что сад продали, помнила, что все уехали. Но за этими внешними событиями она не видела той глубины, о которой говорил Вересков. Чехов казался ей просто скучным бытовым писателем, а его персонажи были несчастными, не устроенными в жизни людьми.

— Наверное, Вы правы, — произнесла она неопределённо. — Только... я читала очень давно. Уже и не помню деталей.

Вересков замолчал. Анна почувствовала, как он смутился, будто сказал что-то лишнее. Она поняла, что её ответ прозвучал как отказ поддерживать беседу, и ей стало неловко. Но она не знала, что добавить. Не знала, как говорить с ним о том, что её не трогало.

— Простите, — тихо сказал он. — Я, наверное, утомил Вас своими рассуждениями.

— Нет, что Вы, — поспешно ответила Анна. — Мне интересно. Просто... я не смотрела так глубоко.

Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла жалкой. Вересков посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на разочарование. Или ей показалось.

— Глубина тут ни при чём, — произнёс он мягко. — Просто у каждого свой Чехов. Многие видят грусть, нестроенность, тревожность, а кто-то карикатурность, юмор. Я, наверное, вижу грусть.

Он помолчал, глядя на тёмную улицу.

— Знаете, я всю жизнь прожил среди книг, а так и не научился говорить с людьми о простых вещах. Всё время скатываюсь в лекции.

Анна вдруг увидела в нём не профессора, не учёного, а просто уставшего, немного растерянного человека. Ей стало его жаль. И от этой жалости стало ещё тоскливее.

— Может, пройдемся? — предложила она, чтобы как-то сгладить неловкость.

Он оживился.

— Да, конечно. Если Вы не торопитесь.

Они пошли по тихой улице, мимо старых домов с тёмными окнами, мимо облетевших скверов и мокрых скамеек. Он взял её уверенно, но осторожно под руку, и от этого прикосновения ей было не тепло, а странно спокойно. Так спокойно, будто она уже приняла решение, о котором столько думала.

Разговор больше не клеился. Вересков изредка пытался начать разговор. Его замечания о погоде, о городе, о предстоящей зиме, отличались краткостью и точностью формулировки. Но Анна отвечала односложно, и он, чувствуя её отстранённость, всё больше замыкался в себе. Ей было его жаль, но она не знала, как разорвать этот круг.

У подъезда они остановились. Вересков впервые за всё время посмотрел ей прямо в глаза. Его взгляд пронзил Анну серьёзностью и глубиной. В них читалось решение, которое он осознанно принял.

— Можно Вас поцеловать? — спросил он.

И она, не раздумывая, ответила:

— Можно.

Он наклонился медленно, будто давая ей время передумать. Его губы были тёплыми и сухими, поцелуй оказался едва ощутимым, как крыло бабочки. Анна не ответила на поцелуй. Просто позволила ему коснуться себя. Когда он отстранился, она не почувствовала ничего. Это не взволновало её. Она ощутила только лёгкую, едва заметную благодарность за то, что он не стал настаивать на большем.

— До свидания, — тихо сказал он.

— До свидания, — без тени волнения проговорила она.

Анна поднялась в квартиру и опустилась на пол в прихожей, не раздеваясь. В душе и мыслях царил хаос. Но напряжение от встречи ослабевало. Она забыла отдать кашне профессору и сейчас просто прижала его к лицу. Запах старого пиджака, табака и осени показался очень тихим, домашним, уютным. И она думала о том, что, возможно, именно так и выглядит счастье. Тихое, спокойное, почти безмятежное. Без всполохов страсти.

Вдруг от этой мысли ей стало невыносимо одиноко. Она сидела на полу и тихо плакала.

Глава 4

Они стали видеться чаще.

Это происходило само собой, без уговоров и планов. Просто однажды Вересков поймал себя на том, что ждёт конца её занятий, чтобы проводить до дома. Что звонит ей вечером, просто чтобы спросить, как прошёл день. Что в субботу утром, вместо того чтобы ехать в университет, он стоит у её подъезда с бумажным пакетом, в котором лежат свежие булочки из булочной на углу, и думает: «Господи, я веду себя как мальчишка».

Анна, со своей стороны, не замечала, как это началось. Она просто привыкла к тому, что он рядом. К его тихому голосу, к его рассеянной улыбке, к тому, как он поправляет очки, когда смущается. К его старомодным манерам. Он всегда открывал перед ней дверь, помогал надеть пальто, шёл со стороны проезжей части. Это было непривычно, даже трогательно, но не вызывало в ней ответного тепла. Это было чувство чуть отстранённой благодарности, какую испытываешь к врачу, который лечит тебя от застарелой болезни.

Она всё чаще ловила себя на том, что думает о его доме. О том, что в старом посёлке у реки, среди сосен и старых яблонь, стоит двухэтажный особняк, о котором рассказывают с благоговением. Что в нём есть оранжерея, полная тропических растений, и библиотека, где книги на нескольких языках, даже есть редчайшие фолианты. Что у него есть прислуга. Что он вполне обеспечен. И что всё это может стать её.

Эти мысли не были подлыми. Они были отчаянными.

Анна вспоминала свою съёмную квартиру, где зимой промерзали стены, а соседи за стеной выясняли отношения. Вспоминала, как экономила на продуктах, чтобы купить приличные туфли для выступлений. Вспоминала, как смотрела на цены в витринах бутиков, вздыхала и отводила глаза. Как штопала и перешивала платья. Как одевалась только в секондхендах. И ей становилось страшно не от своей бедности, а от перспективы прожить так всю жизнь.

Вересков давал ей выход. Устойчивый, солидный и надёжный. Как тёплая печь в холодный вечер. Как свет в окне, когда идёшь по тёмной улице.

И она соглашалась на эту теплоту, хотя внутри неё всё ещё тлел тот самый уголёк, который она так старательно затаптывала.

Однажды Вересков робко попросил разрешения прийти на её репетицию.

— Мне бы хотелось увидеть Ваше увлечение, — произнёс он, неловко перебирая пуговицу на пиджаке. — Если это не слишком... неудобно.

Анна растерялась. Танцы были её тайной, её вторым «я», о котором знали всего несколько человек. Но отказать она не смогла. Его голос звучал слишком уж беспомощно, даже робко. Слишком много надежды было в глазах.

— Хорошо, — сказала она. — Приходите в пятницу.

Он пришёл за полчаса до начала. Сел на скамейку у стены, сложил руки на коленях и замер, как примерный ученик. Анна, разминаясь у станка, ловила его внимательный взгляд. Ей было неловко, но и приятно: давно никто не смотрел на неё так, будто она чудо.

Заиграла музыка. Анна встала в пару с Игорем, её многолетним партнёром, и начался танец.

Она не думала о зрителях. Не думала о Верескове. Она просто отдалась ритму, позволила телу говорить то, что не могли сказать слова. Румба, ча-ча-ча, самба - каждое движение было пропитано страстью, которую она так долго прятала. Она была пламенем, ураганом, неукротимой стихией. В эти минуты она была по-настоящему свободна.

Когда музыка стихла, Анна, тяжело дыша, обернулась. Вересков сидел всё в той же позе, но лицо его изменилось. В его глазах была смесь восхищения и тихой печали. Он смотрел на неё так, будто увидел впервые.

— Это было... — начал он, но осёкся, подбирая слова. — Это...это не танец, это сама жизнь.

Анна смутилась.

— Просто танец.

— Нет, — покачал он головой. — Это нечто большее. Я всю жизнь изучал природу, видел самые удивительные вещи, но такого... такого огня не встречал.

Она опустила глаза. Ей хотелось сказать, что этот огонь давно уже не согревает её, а лишь сжигает изнутри, но она промолчала.

— Жаль, что я не умею танцевать, — произнёс Вересков с грустной улыбкой. — Наверное, это великий дар.

— Это не дар, — возразила Анна. — Это работа. Многолетняя, изнурительная.

— И всё же...

Он не договорил. Просто смотрел на неё, и в его взгляде было столько нежности, что Анне стало не по себе.

После репетиции они долго гуляли по городу. Осенний вечер был прохладным, но сухим. Листья шуршали под ногами, фонари отбрасывали на тротуары длинные тени. Вересков был необычно молчалив, и Анна чувствовала, что его что-то гнетёт.

— О чём Вы думаете? — спросила она наконец.

Он помолчал, прежде чем ответить.

— О Вас. О себе. О том, что я, наверное, слишком старый для Вас.

Анна резко остановилась.

— Вы о чём?

— Я потрясён Вашим танцем, — произнёс он, не глядя на неё. — Вы как искрящееся пламя, как неукротимый пожар. А я как стоячее болото, которое невозможно расшевелить. Я лишь могу предложить Вам покой, дом, уверенность в завтрашнем дне. Но страсть мне уже несвойственна. Я не смогу воспламенить Ваши чувства, даже если попытаюсь. Что будет выглядеть, как минимум, смешно.

Анна слушала, и в груди её поднималась волна противоречивых чувств: жалость, нежность, раздражение. Он был прав. Но правда эта была невыносима.

— Страсть - это не главное, — сказала она. — Страсть быстро сгорает дотла, оставляя только пепел сожаления. А дом остаётся на всю жизнь.

Вересков поднял на неё глаза.

— Вы правда так думаете?

— Правда.

Он взял её за руку. Его ладонь была тёплой, чуть шершавой.

— Анна, — произнёс он, и голос его дрогнул. — Я не предлагаю Вам огня или страсти. Я предлагаю спокойную и достойную жизнь вдвоём. Я не знаю, полюбите ли Вы меня когда-нибудь так, как я люблю Вас. Но я клянусь: Вы никогда не пожалеете, если согласитесь.

Анна смотрела на него, и перед её глазами проносились картины: пустая квартира, холодные стены, пустой холодильник, одиночество, от которого некуда бежать. А он предлагал дом, свою заботу, надёжность.

Она закрыла глаза и выдохнула.

— Я согласна.

Глава 5

Они подъехали к дому, когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая верхушки сосен в медовый цвет. Старый посёлок встретил их тихими улочками, вдоль которых тянулись заборы, увитые плющом, да старые яблони, ронявшие на землю последние сморщенные плоды. Воздух пах прелой листвой и рекой. Она была где-то совсем близко, за полосой кустов, и её влажное дыхание придавало всему пейзажу южную мягкость.

Дом показался не сразу. Он стоял в глубине участка, прячась за старыми клёнами, и Анна невольно замедлила шаг, разглядывая его. Это было не то помпезное строение, о котором она думала, а добротный двухэтажный особняк из светлого камня, с широкими окнами и просторной верандой, выходящей в сад. Всё в нём говорило о достатке и порядке, но без кричащей роскоши, что выставляет себя напоказ. Это спокойная уверенность человека, который не должен никому ничего доказывать.

— Вот мы и пришли, — произнёс Вересков, открывая калитку. — Прошу.

Анна шагнула во двор и сразу почувствовала, как изменился воздух: здесь было тише, теплее, уютнее. Пахло дымом из трубы, разогретой землёй и чем-то сладковатым, незнакомым.

— Это мой мир, — сказал он, будто извиняясь. — Надеюсь, Вам будет тут уютно.

— Почему Вы сомневаетесь? — удивилась она.

— Ну... я человек старомодный. Всё здесь по-старому. Без новомодных штучек.

Анна огляделась: сад, дорожки, посыпанные гравием, скамейка под яблоней. Ей вдруг стало спокойно, как не было давно.

— Мне нравится, — призналась она. — Здесь по-настоящему уютно.

Он просиял.

— Тогда пойдёмте. Я покажу Вам свою истинную гордость.

Оранжерея находилась за домом, но не примыкала к нему, а стояла отдельно, соединённая с кухней крытым узким переходом. Уже снаружи она поражала: лёгкие арки, стрельчатые окна, купол, покрытый изразцами глубокого синего и бирюзового цвета. В закатном свете всё это переливалось, будто перламутр. Анна замерла, не в силах отвести взгляд.

— Это... это же не просто оранжерея, — выдохнула она.

— Нет, — улыбнулся Вересков, и в его голосе впервые зазвучала гордость. — Я строил её по мотивам мавританских дворцов. Хотел, чтобы получился маленький Альгамбра. Ну, или хотя бы его подобие.

Он открыл дверь, и Анна шагнула внутрь.

Её накрыло влажным теплом и смесью густых, пряных запахов. Цветы, сырая земля, нагретый камень. Но главное было не в запахе. Главное было вокруг.

Стены оранжереи поднимались высоко вверх, переходя в сводчатый потолок с витражами, сквозь которые лился разноцветный свет. Волшебство рубинового, сапфирового, янтарного цветов. Пол был выложен мозаикой: звёзды, чаши, переплетённые узоры, будто сошедшие со страниц арабских рукописей. В центре, среди буйной зелени, тихо журчал фонтан. Это невысокая чаша из голубого мрамора, из которой вода стекала по ступеням, как в садах Гранады. А рядом с ним, под листьями экзотической пальмы, раскинулось мягкое ложе из персидских ковров и подушек. На небольшом низком столике стояла широкая ваза с фруктами и высокий плетёный графин с парой стаканов.

— Господи, — только и смогла произнести Анна.

Она медленно прошлась по залу, впитывая эту красоту, но вскоре взгляд её остановился на безупречном порядке. Ни одного сухого листа, ни одной капли воды на полу, ни одной пылинки на мозаике. Всё дышало заботой, уютом и идеальной чистотой.

— Здесь очень... ухожено, — произнесла она, подбирая слово.

— Да, — отозвался Вересков. — Это заслуга Сергея и его сына. Они работают в саду и оранжерее уже много лет.

Словно по сигналу, в дверях оранжереи появился мужчина лет пятидесяти, в рабочей куртке, с секатором в руке.

— Андрей Петрович, мы всё полили и подрезали барбарис, — доложил он, но, увидев Анну, тут же снял кепку. — Здравствуйте.

— Здравствуйте, — кивнула Анна, чувствуя на себе его внимательный, но не навязчивый взгляд.

— Это Анна Викторовна, — представил её профессор. — Скоро мы поженимся.

Мужчина кивнул с достоинством.

— Сергей. Если Вам что-то понадобится в саду, я буду рад помочь.

Он вышел, и Анна перевела взгляд на Верескова.

— У вас всё отлажено, как часы.

— Да, — согласился он. — Люди работают здесь много лет. Нина Фёдоровна ведёт дом, комнаты убирает горничная, сад на Сергее. Я не вмешиваюсь.

Анна прикусила губу. В её съёмной квартире она сама была и поваром, и уборщицей, и садовником. Тут - хорошо налаженный механизм, ритм которого формировался годами. Конечно, это было удобно, но в мыслях возникло: а найдётся ли место ей в этом механизме? Не будет ли она песчинкой, попавшей между шестерёнок?

Позже в доме их встретила Нина Фёдоровна. Полная женщина с добрым, но цепким взглядом вышла из кухни, вытирая руки о передник.

— Здравствуйте, Андрей Петрович. Здравствуйте, Анна Викторовна, — произнесла она с лёгким поклоном. — Чай готов.

— Спасибо, Нина, — ответил профессор.

Домработница окинула Анну быстрым оценивающим взглядом, но ничего не сказала. Анна почувствовала себя так, будто её разглядывают через увеличительное стекло. Ей захотелось оправдаться, объяснить, что она не посягает на многолетние устои, но она сдержалась.

— Мне очень приятно познакомиться, — сказала Анна вежливо. — У вас чудесный дом. Нина Фёдоровна чуть смягчилась.

— Это дом Андрея Петровича, — поправила она, но без колкости. — Я только помогаю. Когда она ушла, Анна тихо проговорила:

— Она, наверное, видит во мне угрозу.

— Что вы, — улыбнулся Вересков. — Нина просто привыкла к заведённому порядку. Ей нужно время, чтобы привыкнуть и к Вам.

Анна кивнула, но на душе у неё стало неуютно. Она вдруг остро осознала: это не просто жилище, это сложный организм, живущий по своим законам. Она здесь совсем чужая.

Вечером, вернувшись в свою съёмную квартиру, Анна огляделась. Обшарпанные обои, старый холодильник, пятно на потолке. Как же это не похоже на то, что она видела сегодня. Ей самой никогда не заработать на приличную квартиру, даже маленькую. Её ждёт унылая серость и одинокая старость.

Она достала телефон, набрала сообщение подруге, но не отправила. Что писать? «Я только что была в раю и поняла, что могу стать там лишней»?

Нет. Глупости.

Анна легла в постель и уставилась в тёмный потолок. Перед глазами стояли витражи, мозаика, фонтан. И лица слуг, которые знали своё место лучше, чем она знала своё.

Она зажмурилась.

— Я хочу этот дом, — прошептала она в пустоту. — Я хочу быть его хозяйкой.

И, уже засыпая, подумала, что, может быть, для этого нужно просто поверить, что место найдётся.

Глава 6

Свадьба была скромной.

Они расписались в городском ЗАГСе в пятницу утром, в середине ноября. Из гостей были только двое старых друзей Верескова, с которыми он когда-то ездил в экспедиции, да родители Анны, приехавшие из своей глухой деревни на стареньком автобусе. Отец, сутулый, с натруженными руками, всё время теребил воротник непривычной рубашки, мать тихо плакала в платок, то ли от счастья, то ли от волнения. Анна смотрела на них и чувствовала, как в груди поднимается щемящая нежность, смешанная со смущением: такие простые, такие родные, они выглядели потерянными среди каменных стен официального учреждения и чужих, хорошо одетых людей.

Потом был обед в маленьком ресторане на окраине, пара тостов, скромные подарки. Вересков держался неестественно прямо, явно волновался, но старался быть радушным. Он несколько раз повторял, как рад, что «всё сложилось», и Анна, глядя на него, думала, что он и вправду верит в то, что говорит.

Вечером они уехали в его дом. Который становился их общим домом.

И началась обычная повседневность. Анна привыкала к теплоте, уюту, заботе. Быстро забылось безденежье и пустота одиночества.

Поездки за границу с мужем были яркими и радостными. Короткие, но насыщенные, удивительные и запоминающиеся.

Они вышли из ресторана в Мадриде, когда на город уже опускались сумерки. Вересков держал Анну под руку, и в его походке появилась та особенная лёгкость, какая бывает у человека, который только что блестяще выступил перед коллегами. Она же всё ещё была под впечатлением: большой зал, сотни людей, аплодисменты, вспышки камер. Анна видела своего мужа таким впервые: спокойный, уверенный, говорящий на нескольких языках, ловко парировавший вопросы оппонентов.

— Ты был великолепен, — сказала она, когда они свернули на тихую улочку.

— Ты преувеличиваешь, — отозвался он, но по голосу было слышно, что ему приятно.

— Нет, правда. Я видела, как на тебя смотрели. Как на... — она запнулась, подбирая слово, — как на светило.

Вересков смутился.

— Светило... Скажешь тоже.

Но Анна видела: ему нравится, что она это замечает. И ей самой было приятно. Впервые за долгое время она чувствовала себя не просто женой пожилого профессора, а женщиной, которая идёт рядом с человеком, которого уважает весь мир. И от этого её собственная значимость увеличивалась. У неё будто вырастали крылья.

Они зашли в маленькое кафе, сели у окна. Вересков заказал вино и какие-то закуски, названия которых Анна не запомнила. Она смотрела на него и впервые за годы брака видела не просто доброго, заботливого мужа, а личность. Человека, который объездил полмира, знал несколько языков, переписывался с нобелевскими лауреатами. И этот человек выбрал её.

— О чём ты думаешь? — спросил он, накрыв её ладонь своей.

— О том, какой ты удивительный, — честно ответила Анна.

Он смущённо улынулся, совсем по-мальчишески.

— Я обычный. Просто много работаю.

— Нет, — покачала она головой. — Не говори так. Ты... ты поразительный.

Он поднёс её руку к губам и поцеловал.

— Это ты поразительная, — произнёс он тихо. — А я всю жизнь был как сухой лист из ботанического альбома. Пока не встретил тебя.

Анна почувствовала, как к горлу подступает ком. Она хотела сказать что-то важное, но не находила слов. Вместо этого лишь сжала его пальцы. Глаза повлажнели.

Они просидели в кафе до позднего вечера, разговаривая о пустяках. И в этом было столько тепла, столько покоя, что Анна позволила себе поверить: у неё есть всё, что нужно. Она счастливая женщина.

Так же было и в других поездках.

Они побывали в Праге, Лиссабоне, Токио. Вересков выступал на конференциях, а Анна гуляла по незнакомым городам, разглядывала витрины, пила кофе в маленьких кафе. Вечерами они встречались, и он водил её по музеям, паркам, набережным. Он рассказывал об истории, архитектуре, культуре. Все рассказы он сопровождал лёгкими и точными характеристиками. Она вдруг поняла, что её муж не просто учёный, а человек, который видит мир глубже, чем она могла себе представить.

Анна поняла, что влюбляется.

Не той всепоглощающей страстью, о которой мечтала в юности. Не той, которая делает тебя безумной. Совсем иной - тихой, ровной, как свет лампы в тёмной комнате. Она замечала, как он трогательно заботится о ней: поправляет шарф, если ей холодно, заказывает её любимые блюда, спрашивает, не устала ли. Такая нежность заслуживала большего, чем уважение, поэтому её сердце, не знавшее огня, расцветало, как розовый бутон.

Анна стала проявлять к нему больше тепла. Чаше обнимала, целовала в щёку, спрашивала о его работе. Он очень менялся от этих знаков внимания, чаще улыбался. Его глаза светились ярким светом, когда она входила в комнату. Она в этом взгляде черпала уверенность в себе. Именно то, чего ей так не хватало и к чему она стремилась.

Однажды, вернувшись из очередной поездки, Анна сидела в гостиной, разбирая фотографии. На одной из них Вересков стоял на сцене, в свете прожекторов, и зал аплодировал ему. Она долго смотрела на этот снимок, потом перевела взгляд на мужа, который читал у камина.

— Андрей Петрович, — позвала она.

Он поднял голову.

— Да?

— Я горжусь тобой.

Он отложил книгу, снял очки, посмотрел на неё с той особенной, чуть растерянной нежностью, которая всегда появлялась у него, когда она говорила что-то подобное.

— Спасибо, — ответил он. — Это для меня самое важное.

Анна подошла, села рядом, положила голову ему на плечо. В камине потрескивали дрова. За окном шумел дождь.

— Я очень рада, что вышла за тебя замуж, — произнесла она, и впервые за всё время это не было ложью.

Он обнял её, сильно прижал к себе.

— А я, — прошептал он, — каждый день благодарю Бога за тебя.

И в этом признании было столько искренней, нерастраченной любви, что Анна вдруг почувствовала: то, что она считала сделкой, стало гораздо большим. Тем, ради чего стоило жить.

Глава 7

Они прожили три года, и за это время Анна успела привыкнуть к тихому счастью. Дом в старом посёлке стал для неё не просто жилищем, а убежищем, где всегда пахло свежим хлебом и сушёными травами. Она обжила его, встроилась в его неторопливый уклад, и уже не мыслила себя вне этих стен.

Известие о беременности обрушилось на неё внезапно, как первый снег в октябре.

Она сидела в оранжерее с книгой, когда почувствовала лёгкое головокружение. Потом её затопило от запаха жасмина, который раньше казался таким приятным. Врач, к которому она пришла после долгих уговоров Нины Фёдоровны, развёл руками: «Поздравляю, голубушка. У вас будет ребёнок».

Анна не заплакала, не засмеялась. Она просто замерла, прижав ладонь к животу, и вдруг поняла, что внутри неё уже бьётся чьё-то сердце. Это было так невероятно, так пугающе и так... волшебным.

Вересков побледнел, когда она сказала ему. Долго молчал, сжимая в руках очки, потом опустился на колени прямо посреди гостиной и прижался щекой к её животу.

— Я не надеялся, — дрожащим голосом проговорил он. — Даже боялся мечтать, я ведь уже стар.

Анна положила ладонь на его седую голову и почувствовала, как дрожат его плечи.

— Случилось чудо, — тихо ответила она. — У нас будет ребёнок.

Он поднял на неё глаза, и в них было столько благодарности, что у Анны перехватило дыхание.

Беременность протекала тяжело, но Анна не жаловалась. Она гуляла по саду, дышала осенним воздухом, разговаривала с ребёнком, читала вслух. Вересков окружил её такой заботой, что иногда ей становилось неловко. Он сам варил ей травяные отвары, проверял температуру в оранжерее, заказывал в столице какие-то особые подушки.

— Ты слишком меня балуешь, — говорила она.

— Я не балую, — отвечал он серьёзно. — Я лишь делаю то, что должен.

Когда родилась Софья, весь уклад дома поменялся.

Профессор, который всю жизнь боялся, что не сумеет быть хорошим отцом, вдруг превратился в идеального. Он просыпался по ночам на плач дочери, купал её с той бережностью, с какой обращаются с редчайшим экспонатом, пел ей испанские колыбельные, путая слова. Он сам возил её к педиатру, записывая все рекомендации в отдельный блокнот, озаглавленный «Софья. Медицинское». Он гулял с ней по саду, показывал цветы в оранжерее, рассказывал о бабочках и звёздах.

Анна смотрела на них и чувствовала, как её сердце переполняется нежностью и любовью. Она и не подозревала, что способна на такую любовь - спокойную, всепоглощающую, лишённую эгоизма. В ней больше не было того тлеющего уголька, что когда-то требовал огня. Осталось лишь тихое, ровное тепло.

Она расцветала. Щёки округлились, в глазах появился блеск, она чаще улыбалась. Вересков не мог налюбоваться ею.

— Ты стала ещё красивее, — сказал он однажды, когда она кормила Софью.

— Это материнство, — ответила Анна, улыбаясь.

— Нет, — покачал он головой. — Это ты. Настоящая ты.

Так прошло ещё три счастливых года.

Софья росла любознательной, звонкой, как колокольчик. Она обожала отца, тянулась к нему с самого утра, требовала, чтобы он показал ей, как распускаются цветы, как течёт вода

в фонтане, как птицы кормят птенцов. Вересков был счастлив. Анна видела это в каждой его улыбке, в каждом жесте.

Она тоже была счастлива. По-настоящему. Она заботилась о муже и дочери, следила за домом, пыталась учить языки, читала. Жизнь текла ровно, как река за их садом, и в этом течении было столько покоя, что иногда Анне казалось: вот оно, то самое счастье, о котором пишут в книгах.

Вскоре Софья пошла в садик.

Анна стояла у ворот, глядя, как дочь, сжимая в руке маленький рюкзачок, весело шагает в группу. Девочка обернулась, помахала рукой, и Анна вдруг почувствовала, как глаза щиплет от слёз. Она вернулась домой, села на веранде и долго смотрела в сад.

Вересков присел рядом.

— Что-то случилось?

— Нет, — она покачала головой. — Просто... она уже большая.

— Да, — согласился он. — Время летит.

Помолчали.

— Я хочу вернуться на работу, — вдруг сказала Анна.

Он посмотрел на неё с удивлением.

— Ты уверена? Может, ещё рано?

— Пора, — ответила она. — Я не могу всё время сидеть дома. Тут не нужно моё присутствие, всё и так налажено. А я хочу приносить пользу.

Вересков взял её за руку.

— Делай так, как считаешь нужным.

Анна улыбнулась.

— Спасибо.

Глава 8

Анна вернулась на работу в сентябре, когда воздух уже пах прелой листвой и дымом, а по утрам лужи подёргивались тонким ледком. Софья привыкала к садику, и Анна, оставляя дочь среди чужих детей и воспитательниц, каждый раз чувствовала лёгкий укол тревоги. Но время шло, и постепенно новая жизнь вошла в колею.

В университете за эти годы мало что изменилось. Те же коридоры, тот же запах формалина и старой бумаги, те же лица коллег. Но Анна замечала и перемены: на дверях появились таблички на английском, добавились курсы для иностранцев, в столовой стали готовить новые экзотические блюда. Университет выпускал много иностранных студентов и с каждым годом география расширялась.

Анна вливалась в работу медленно, как в прохладную воду. В первые дни ей постоянно хотелось домой, к Софье, к тёплым вечерам у камина, к тихому журчанию фонтана в оранжерее. Она ловила себя на том, что смотрит на часы, считая минуты до конца рабочего дня. Но постепенно общение с коллегами, студенческий гомон, запах реактивов возвращали её к прежней, почти забытой жизни.

Всё же дом оставался главным. Она приходила с работы, снимала туфли, и на неё обрушивалось счастье. Софья бежала навстречу, Вересков выходил из кабинета, и Анна чувствовала: вот её настоящая жизнь, её опора и поддержка.

Слухи о прибытии группы из Испании поползли в середине октября.

Анна впервые услышала о них в преподавательской, когда лаборантка с кафедры микробиологии, вечно взволнованная и всезнающая, с порога выпалила:

— Слыхали? К нам едут испанцы! Шесть человек!

— Ну и что? — равнодушно отозвалась одна из преподавательниц. — У нас каждую осень иностранцы. То алжирцы, то индусы. Теперь ещё испанцы. Что нового то?

— Да нет, вы не поняли! — лаборантка понизила голос. — Дело в том, что это сыновья богачей из старинного города! Все красавцы. Как на подбор. Но там есть один. Говорят, такой тип... — она закатила глаза, подбирая слово, — скандальный. Умопомрачительно богатый, сногшибательно красивый, самоуверенный. Уже весь город гудит.

Анна, сидевшая в углу с тетрадями, подняла голову.

— Что за тип? — спросила она без особого интереса.

— Де ла Вега, — прошептала лаборантка, будто это имя имело магическую силу. — Сантьяго де ла Вега. Говорят, он из Картахены. Машина у него фантастическая и запонки с настоящими бриллиантами.

В преподавательской повисло молчание. Потом кто-то фыркнул:

— Выдумки.

— Ничего не выдумки, — обиделась лаборантка. — Вот увидите.

Анна вернулась к тетрадям. Ей было всё равно. Она думала о том, что вечером нужно заехать в магазин за молоком, что Софья просила новые цветные карандаши, что Вересков, кажется, простудился и его надо напоить чаем с мёдом.

Слухи об испанце проскользнули мимо, как тень по стене.

В последующие дни разговоры о Сантьяго де ла Вега не утихали. Наоборот, они разрастались, обрстая всё новыми, всё более неправдоподобными подробностями.

Говорили, что он устроил скандал в лучшем ресторане города, заказав дорогие блюда и вернул всё на кухню, перебив тарелки. Что он разбил бокал о стену, потому что вино показалось ему недостаточно холодным. Что дочь какого-то чиновника после свидания с ним уехала в столицу лечить нервы.

Анна слушала эти разговоры краем уха, не вникая. Ей было неприятно оттого, что коллеги перемывали косточки незнакомцу и смаковали детали. Но не более.

— Ты слышала про этого испанца? — спросила её однажды коллега, когда они вместе шли по коридору.

— Слышала, — ответила Анна, пожав плечами. — Но меня это не касается.

— А зря, — хмыкнула коллега и закатила глаза. — Он такой...к нему хочется прижаться и целоваться до умопомрачения.

Анна не ответила. Она смотрела на опавшие листья, прилипшие к мокрому асфальту, и думала о том, что скоро придёт домой в тепло, и с семьёй сядет за ужин.

Где-то вдалеке, за этими мыслями, едва слышно, как гром за горизонтом, прокатился отголосок бури.

Но она не придавала ему значения.

Глава 9

Анна постепенно втягивалась в рабочий ритм. Вникала в заботы и проблемы кафедры.

Университет с его шумными коридорами, вечными сквозняками и запахом формалина больше не казался чужим. Она снова привыкла к студентам, к проверке тетрадей, к коллегам, обсуждающим за чаем ректора и новые программы. И всё же, стоило ей выйти за проходную, как мысли её немедленно устремлялись домой: к Софье, к мужу, к тёплым вечерам у камина.

Она вернулась в танцевальный зал. Однако, это возвращение было лишено прежнего огня. Анна приходила дважды в неделю, переодевалась, разминалась у станка, танцевала в паре с Игорем. Но всё это чисто механически, без всплеска, без той страсти, что когда-то жгла её изнутри. Она двигалась правильно, точно, но будто по инерции, как человек, выполняющий заученный ритуал. Игорь, чуткий к её настроению, не спрашивал ни о чём, только иногда бросал на неё долгие взгляды, в которых читалось сожаление.

Анна и сама понимала: огонь, что когда-то горел в ней на танцполе, угас. Но ей не было грустно. Наоборот, она испытывала облегчение. Тот уголёк, что тлел в душе годами, наконец-то перестал требовать топлива. Она больше не боялась его.

Слухи о Сантьяго тем временем становились всё плотнее и необычнее.

Их приносили в преподавательскую, ими обменивались в столовой, их пересказывали на лавочках у входа. Говорили, что он не просто богат, а сказочно богат: его отец владеет плантациями где-то в Колумбии, а мать вообще француженка, известная оперная певица. Что он приехал только за тем, чтобы получить диплом стоматолога. Что он уже успел поссориться с ректором, очаровать половину женского состава и разбить сердце дочке начальника известного банка.

Анна слушала всё это с лёгким раздражением. Ей казалось, что город слишком увлёкся этим персонажем, как увлекаются дешёвым сериалом. Она не понимала, почему такой неприятный человек должен занимать столько места в чужих разговорах.

— Ты видела его? — спросила однажды коллега, увязываясь за Анной по дороге к корпусу.

— Кого? — не сразу поняла та.

— Испанца этого. Де ла Вегу.

Анна покачала головой.

— Чего на него смотреть? Он не кинозвезда.

— А зря, — хмыкнула коллега. — Такого красавца ещё поискать.

Она вдруг схватила Анну за рукав и свернула на узкую тропинку, ведущую к другому корпусу.

— Вон, смотри! Идёт.

Анна нехотя подняла глаза.

По дорожке, ведущей к корпусу, шёл мужчина. Он был высок, строен, с той особенной, чуть ленивой грацией, какая бывает у людей, привыкших к восхищённым взглядам. Жгучие чёрные волосы, слегка взлохмаченные, спадали на лоб. Смуглая кожа, казалось, впитала солнце далёкой Картахены. Одет он был в тёмно-синий костюм, сидевший на нём с безупречной небрежностью, и белую рубашку без галстука, расстёгнутую на две пуговицы. На запястье блеснули дорогие часы. Своей кошачьей грацией он напоминал пантеру, хищную и опасную.

Он шёл, не глядя по сторонам, но от него исходила такая уверенность, такое ощущение собственной исключительности, что прохожие невольно оборачивались. Две студентки, стоявшие у входа, замерли с приоткрытыми ртами.

Анна смотрела на него несколько секунд. Да, он был красив. Необычайно красив. Той хищной, южной красотой, что бросается в глаза и не отпускает. Но внутри неё ничего не дрогнуло. Нигде не кольнуло.

— Да, красив в самом деле, — сказала она ровно, пожимая плечами.

— И всё? — удивилась коллега.

— А что ещё?

Анна отвернулась и поправила ремешок сумки на плече.

— Мне пора. Софью из садика забирать.

И быстро ушла, не обернувшись.

Вечером, сидя с Софьей на ковре и складывая кубики, Анна вдруг вспомнила этого испанца. Вспомнила его лицо, походку, часы. Никаких особых чувств она не испытала. Ни любопытства, ни тревоги, ни смутного томления или волнения. Только усталость после рабочего дня и желание поскорее уложить дочь спать.

— Мам, а папа скоро придёт? — спросила Софья, поднимая на неё глаза.

— Скоро, солнышко, — ответила Анна, гладя её по волосам.

Она думала о том, как хорошо, что у неё есть этот дом, этот вечер, этот покой. И чужие красавцы, будь они хоть трижды испанцами, не имели к этому никакого отношения.

Где-то далеко, за стенами дома, снова прокатился отголосок бури. Но здесь, в тепле и тишине, он был не слышен.

Глава 10

Год пролетел незаметно, как утренний туман над рекой.

Вечерами, после работы, уложив дочь, она садилась за языки. Французский давался легко потому, что был похож на музыку, на духи, на что-то из прошлой, несостоявшейся жизни. Английский был рабочим, деловым, без эмоций. Испанский давался сложно, но Вересков помогал ей с грамматикой, и в этих занятиях было что-то трогательное, почти интимное: его склонённая над учебником голова, её попытки произнести слова правильно, их тихие вечерние разговоры, прерываемые треском дров в камине.

Она замечала, что тянется к мужу больше, чем раньше. Теперь ей нужна была не только его забота, но и его присутствие. Она научилась ценить его молчание, его рассеянную улыбку, его руки, которые так бережно касались её плеч. И когда он, увлечшись работой, засиживался допоздна, она сама приносила ему чай и садилась рядом, просто чтобы быть ближе.

За этот год Анна вернулась в танцевальный зал по-настоящему.

После родов она немного поправилась, и поначалу это её огорчало. Но постепенно, шаг за шагом, танец сделал своё дело: тело снова стало гибким, послушным, сильным. Игорь, заметив перемену, однажды сказал:

— Ты опять в форме.

— Стараюсь, — ответила Анна, улыбнувшись.

Теперь она ходила на репетиции три раза в неделю, но по-прежнему без той лихорадочной страсти, что была в юности. Танец стал для неё не огнём, а скорее способом держать себя в тонусе, не забывая, что она женщина, а не только мать и жена. Ей нравилось ощущение собственного тела, его послушность, его сила. Но оно больше не требовало бури.

Анна чувствовала себя спокойной и счастливой. Главное — любимой достойным мужчиной.

Сантьяго де ла Вега за этот год стал частью университетской жизни.

Анна изредка встречала его в коридорах или на улице. Он был красив, этого нельзя было отрицать. Он флиртовал со студентками и преподавательницами направо и налево, и делал это с той ленивой вседозволенностью, которая одних восхищала, а других раздражала.

Говорили, что он встречается сразу с несколькими замужними женщинами, что грозит семейными скандалами. Эти слухи ползли по университету, обрастая подробностями, но Анна пропускала их мимо ушей. Ей было всё равно.

Она сталкивалась с ним в дверях библиотеки, в коридоре у деканата, на парковке. Он никогда не смотрел на неё дольше, чем того требовала вежливость. Иногда ей казалось, что он вообще не замечает её. Анне это было безразлично. Ей не хотелось привлекать внимание человека, о котором ходило столько дурных разговоров.

Вечером, сидя с мужем на веранде, Анна вдруг спросила:

— Как тебе этот испанец? Ну, де ла Вега? Столько болтают...

Вересков пожал плечами.

— Ленивый, но способный. Привык, что всё достаётся легко. — Он помедлил, подбирая слова. — Ему немного за тридцать. Учится неплохо, умён, не отнять. Но сама понимаешь: ему не столько знания нужны, сколько диплом. Он ведь стоматологом будет, семейное дело продолжит.

— Диплом? — переспросила Анна.

— Да. Медицинский диплом. Он как-то обмолвился на семинаре, что приехал сюда только за корочками. Так и сказал: «Мне нужен диплом, а не ваши лекции». — Вересков покачал головой. — Дерзкий.

Анна нахмурилась.

— Он неприятный тип. А почему его не отчисляют?

— За что? Успеваемость у него приличная. А за дерзость не отчисляют. — Он помолчал, глядя на вечерний сад. — Но есть в нём что-то... тёмное, пугающее.

Они замолчали.

— А ещё он как-то сказал, — продолжил Вересков, — что не умеет сочувствовать или жалеть, потому что это слабость, придуманная теми, кто не умеет брать своё. И знаешь, что самое страшное? Он в это искренне верит. Если ему не дадут - он сам возьмёт.

Анна передёрнула плечами.

— Отвратительный тип.

— Да, полностью согласен, — признался Вересков. — Но, увы, он наш студент. Придётся потерпеть до выпуска.

Они помолчали. С реки тянуло прохладой и запахом тины. В саду трещали цикады. Анна положила голову мужу на плечо и закрыла глаза.

Ей было хорошо.

Так, как бывает только в доме, где тебя любят.

Глава 11

Подготовка к юбилею города шла полным ходом.

Город на семи холмах готовился отметить своё трёхсотлетие, и это событие всколыхнуло даже самых равнодушных. Повсюду развешивали флаги, на центральной площади монтировали сцену, из динамиков на столбах лилась бодрая музыка. В воздухе пахло краской, мокрым асфальтом и всеобщим возбуждением.

Анна репетировала почти каждый день. Танцевальный коллектив, в котором она состояла, готовил большую программу для вечернего концерта, и её, как солистку, вызывали чаще других. Она приезжала в зал после работы, уставшая, с мыслями о доме, но послушно вставала к станку и повторяла движения до ломоты в мышцах.

Дом по-прежнему занимал все её мысли. Она ловила себя на том, что во время репетиции думает о том, успела ли Нина Фёдоровна забрать Софью из садика, не забыл ли Вересков поесть, не протёк ли кран в оранжерее. Танец стал для неё не убежищем, как прежде, а обязанностью, которую нужно исполнить и вернуться к настоящей жизни.

Но когда ей сообщили, что на генеральной репетиции будет новый партнёр, она не придала этому значения. Партнёры менялись часто - кто-то болел, кто-то уезжал. Какая разница? Разница оказалась огромной.

Сантьяго де ла Вега появился в зале, когда Анна уже разминалась у станка.

Он вошёл без стука, без извинений за опоздание, просто распахнул дверь и остановился на пороге, окидывая помещение тем самым ленивым, чуть брезгливым взглядом, каким смотрят на провинциальную самодеятельность. На нём была чёрная рубашка с закатанными рукавами, тёмные брюки и золотые часы на запястье. Волосы слегка взлохмачены, будто он только что провёл по ним рукой.

— Меня просили заменить солиста на выступлении, — произнёс он с порога, ни к кому конкретно не обращаясь.

Руководительница коллектива, суетливая женщина с вечно испуганными глазами, засеменила к нему:

— Да-да, проходите! Вы Сантьяго, верно? Спасибо, что согласились. Ваша партнёрша, Анна Викторовна, сейчас разминается. Вот, познакомьтесь.

Руководительница махнула рукой в сторону Анны. Он перевёл взгляд на неё. В его чёрных глазах мелькнуло что-то вроде скуки.

Он небрежно взял её за руку, почти дёрнул, и вывел на середину зала. Заиграла музыка. Анна сразу поняла: этот человек рождён на танцполе.

Он двигался так, будто музыка была его собственным дыханием, будто каждое движение существовало в нём ещё до того, как прозвучала первая нота. Его тело, гибкое и сильное, скользило по паркету с той особой, кошачьей грацией, которой нельзя научиться. Она существовала в нём с самого рождения. Он не танцевал - он повелевал пространством, заставляя его подчиняться.

Но вёл он партнёршу так, будто её не существовало.

Он не смотрел на Анну. Не подстраивался под её движения. Его руки касались её талии с холодной отстранённостью, как касаются спинки стула или дверной ручки. Она для него была никем. Он вёл её механически, без тени уважения, будто она была лишь обузой, которую нужно переставлять с места на место. Только раздражала и отвлекала. Как тупой манекен.

Анна стиснула зубы.

Внутри неё, где-то глубоко, где ещё тлели угли давно забытого огня, начала подниматься злость. Не та, что вспыхивает и гаснет, а тяжёлая, холодная, похожая на лаву. Она ненавидела

его в этот момент. Ненавидела за его высокомерие, за его снисходительность, за то, как он смотрел сквозь неё. Она для него была не партнёршей, а пустым местом.

Анна возмущенно решила сопротивляться. Она не была пустым местом. Она заставила своё

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.